

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ: ЧЕМ ЭТО УГРОЖАЕТ АНГЛОЯЗЫЧНЫМ НАРОДАМ?

Светлана Тер-Минасова

Московский государственный университет им. Ломоносова

Современная эпоха, ее направление и развитие, обусловлена внезапными, стремительно ускоряющимися и умножающимися, неслыханными, небывальными достижениями научно-технического прогресса, о которых не могли мечтать даже фантасты. Все эти величайшие открытия человеческого гения направлены на одно: облегчение, улучшение, оптимизацию общения людей.

Телевидение, мобильные телефоны, Интернет дают возможность людям общаться, преодолевать и время, и пространство.

И снова сразу же замаячила впереди Вавилонская башня – возможность вместе, всей планетой, строить, растить, покупать-продавать, обучать и т.д. и т.п.

И замелькали новые вывески: Глобальная Деревня, Соединенные Штаты Земли, Глобализация...

На смену “Светлому Будущему Коммунизма” к нам пришла идея “Глобальной Деревни”. Идея сама по себе такая же хорошая, как все остальные мечты человечества – от Земли Обетованной до Американской Мечты.

В Глобальной Деревне все население планеты живет вместе, мирно, дружно, работаем вместе, объединяем достижения, таланты, умы. Вместе боремся за жизнь и безопасность как самой планеты, так и всех населяющих ее людей.

И глобализация – это взаимодействие и взаимозависимость всех людей и всех стран. Выражаясь нашей доброй старой лексикой, это мир и дружба между народами. Кто же может против этого возражать? Откуда взялись антиглобалисты?

Увы! Глобализация – явление противоречивое. Иначе говоря, диалектичное. А диалектика, борьба и единство противоположностей, – это условие прогресса. Жаль, конечно, что прогресс, развитие человечества невозможны без конфликтов, без борьбы; жаль, что этот прогресс покупается кровью, несчастиями и жизнями миллионов людей.

Очень кратко: “за” и “против” глобализации.

“За” - это главная идея глобализации: мир, дружба, сотрудничество, объединение усилий всех народов. Международная промышленность, торговля, научная деятельность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, сохранение окружающей среды, борьба с преступностью, международный туризм, спорт и т.д. и т.п.

Многое уже происходит.

“Против” - человеческий фактор: **языки, культуры, цивилизации**. Национальная самобытность, национальный язык и национальная культура под угрозой поглощения, нивелирования, уничтожения.

Именно языковой и культурный барьеры препятствуют объединению людей. Без глобального языка (а язык неотделим от культуры) и, значит, глобальной культуры не может быть глобального сообщества и нет возможности построить новую Вавилонскую башню, то есть Глобальное Мировое Сообщество.

Отсутствие глобального языка тормозит объединение человечества для решения общечеловеческих проблем.

Сейчас, когда преодолены другие барьеры (расстояний, политические, экономические), языковой барьер раздражает, как никогда раньше (тогда его заслоняли эти другие барьеры).

Введение единого глобального языка (английского, как сейчас, или какого-то другого в будущем) привлекает возможностью решить многие проблемы: облегчить международное общение, сократить огромные финансовые расходы международных организаций, компаний, концернов на переводчиков – письменных и устных, способствовать обмену информацией и, следовательно, ускорению и улучшению научно-технического прогресса, торговли, бизнеса.

Преодоление языкового и культурного барьера могло бы быть коммерческой целью и несомненно является заветной мечтой коммерсантов, бизнесменов, политиков.

Всемирные общественные организации – ООН, ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и другие – остро нуждаются в едином языке международного общения, даже по чисто финансовым соображениям. По некоторым данным, на переводчиков уходит до 50% бюджета ООН.

Единый язык освободил бы и армии преподавателей иностранных языков, и легионы их учащихся.

О едином языке мечтали поэты.

Века все смелют,

дни пройдут.

Людская речь

В один поток сольется,

Историк, сочиняя труд,

Над нашей рознью улыбнется.

(Сергей Есенин)

На роль глобального языка сейчас уверенно претендует – и реально ее выполняет – английский язык. Именно он является языком международного общения. Достижению этого статуса способствовал целый ряд вполне конкретных социально-исторических причин, настолько очевидных, что на них не стоит особенно останавливаться. (Нужно только сразу оговориться, что дело, разумеется, отнюдь не в количестве говорящих (кто здесь сравнится с китайцами?!) и не в мифе об особой легкости, гибкости, удобстве и тому подобных “качествах” английского языка.)

Просто, во-первых, солнце, которое никогда не садилось в Британской империи, теперь – никогда не садится в империи английского языка.

Во-вторых – тоже просто – это язык главной и теперь единственной супердержавы, которая правит миром. Не случайно во Франции и во многих других странах глобализацию называют американизацией.

В-третьих, это язык “электронной деревни”. И хотя доля его в Интернете уменьшается (сейчас менее 50% сайтов – на английском языке, а 10 лет назад их было более 90%), это происходит потому, что все более массово подключаются новые народы и страны, но язык международного общения по-прежнему и практически исключительно – английский.

Рассмотрим “за” и “против”, плюсы и минусы сложившейся ситуации, когда именно английский язык – по вполне очевидным социально-историческим причинам, выше уже упомянутым, стал главным языком международного общения и имеет все основа-

ния получить статус глобального, или всемирного языка, языка общения Глобальной Деревни.

Плюсы и одновременно причины, обеспечивающие доминирующую роль английского языка как иностранного:

1. Все возрастающая миграция и смешение народов все более остро требуют единого средства международного общения.
2. Английский язык начал свою “карьеру” глобального языка во времена Британской империи, которая в XIX - XX веках правила не только морями, но и значительной частью суши. С середины XX века, после окончательного падения Британской империи, английский язык укрепил свои позиции как язык США – супердержавы, которая правит миром.
3. Количество и объемы международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, ВТО, НАТО и многие другие) непрерывно увеличиваются и использование одного языка (вместо двух, трех или пяти, как в ООН) – и полезно, и выгодно, и привлекательно. Опрос постоянных представительств в ООН, на каком языке они предпочитают получать информацию, дал весьма показательные и вполне предсказуемые результаты: из 185 представительств 130 выбрали английский язык, 36 – французский и 19 – испанский.
4. В результате глобализации экономики каждый день растет число международных производственных и торговых компаний, концернов, совместных предприятий. Использование одного языка очень удобно, и в организационном, и в финансовом отношении.
5. Возникновение и стремительное распространение Интернета укрепляет позиции английского языка как глобального. Во Всемирной Сети Международное общение доминирует над общением национальным, и единый язык в этом плане незаменим.

Английский язык получил гораздо более широкое распространение, чем любой другой иностранный язык. Соответственно, во всем мире работают огромные армии учителей английского языка (и носители языка, и местные учителя). Для Великобритании как родины “стандартного английского” преподавание английского языка стало важнейшей областью экспорта, в том числе и в плане человеческих ресурсов (во всех уголках земного шара зарабатывают неплохие деньги “носители английского языка”). Огромная индустрия EFL (English as a Foreign Language – английский как иностранный) непрерывно выпускает учебные материалы, словари, аудио, видео, мультимедийные курсы всех уровней, видов и типов.

Никакой другой иностранный язык в настоящее время не может сравниться с английским языком по этим параметрам.

Каковы же **минусы**, или, вернее, к каким негативным последствиям может привести наличие глобального языка вообще и английского языка в этой роли, в частности.

Эти негативные последствия могут быть рассмотрены в двух аспектах:

1) чем грозит повсеместное доминирование английского языка как главного средства международного общения неанглоязычному человечеству. Иными словами, какой вред эта ситуация может принести другим народам и их языкам и культурам.

2) какие негативные последствия ожидают сам английский язык, какой вред может быть нанесен англоязычным народам.

По первому вопросу – идет огромная непрерывная дискуссия во всем мире во всех формах.

В этой работе рассматривается гораздо менее изученный вопрос о том, какие минусы в этой ситуации для самого английского языка, какие опасности подстерегают англоязычные народы.

Их преимущества очевидны.

Их родной язык стал средством международного общения. Им не нужно, в отличие от сотен миллионов говорящих на других языках, тратить время, здоровье и деньги на изучение английского, на переводчиков и преподавателей. Не нужно страдать от неспособности общаться с иностранными коллегами и друзьями, от комплекса неполноценности, от сознания собственной беспомощности и т.п.

Их родной язык, его экспорт приносит им огромные доходы. Я не знаю точных цифр, но уверена, что миллионы носителей английского языка зарабатывают очень приличные деньги во всех уголках мира, причем часто, не имея специального образования, просто как счастливики, которые могут говорить на своем родном языке, получив этот дар с рождения, бесплатно, естественно и без усилий.

Издание учебной литературы в Англии – родине и колыбели английского языка – сделало преподавание английского языка глобальным бизнесом с оборотом в много миллиардов фунтов стерлингов (Phillipson 1999:269).

Знание английского языка престижно во всем мире, с ним связано продвижение по служебной лестнице, оно помогает сделать карьеру в самых разных сферах человеческой деятельности. Носители английского языка – любого уровня – имеют это преимущество.

Все это очевидно, это та польза, которую англоязычные народы извлекают из ситуации с английским языком как средством международного общения.

А есть ли вред, и если да, то какой?

Вот что мне удалось увидеть в качестве ответа на этот вопрос за долгие годы изучения английского языка, обучения ему студентов Московского государственного университета и общения с коллегами из разных стран мира – общения и прямого, непосредственного, и косвенного – через чтение книг.

Во-первых, то, что все знают и о чем с грустью говорят представители англоязычных наций: нежелание изучать другие языки.

Действительно, изучение иностранных языков в англоязычном мире не слишком популярно по понятным причинам: “весь мир учит наш язык, все мало-мальски образованные люди знают или учат английский, нам незачем беспокоиться”. В известном смысле английский язык мешает бизнесу англоязычных наций: их компании и предприятия за рубежом много теряют из-за того, что их представители не знают (и не изучают) местных языков и культур. Учат – в несравнимых с остальным миром масштабах – язык ближайших соседей: англичане – французский, американцы – испанский, австралийцы – китайский или японский. По данным 2001 года, 90 % британцев перестают изучать иностранные языки в возрасте 16 лет (Phillipson 2001).

Это, конечно, минус, поскольку знание других языков, а через них – культур, духовно обогащает человека, расширяет горизонты, дает новый взгляд на мир. Кроме того, совершенно прав был великий Гете, когда говорил, что учить иностранные языки надо еще и для того, чтобы лучше овладеть своим родным языком. Р. Филлипсон приводит пример из опыта студенческих обменов в рамках программ Европейского Союза. Британские студенты, приехавшие по обмену в университет в Данию часто уступали в знании письменного английского датским студентам, для которых этот язык был иностранным (Phillipson 2001).

И печально знаменитая нелюбовь британцев к иностранным языкам и всему иностранному связана с этим моментом тоже. **Нельзя остаться равнодушным к народу, язык которого изучаешь.** Поэтому весь мир, изучающий английский язык, испытывает особые чувства к людям, владеющим этим даром, поэтому так велик интерес к англоязычным странам, так много восхищения и англomanии – просто за радость узнавания выученных слов, за близкое знакомство с культурой – через учебники английского языка. Когда я впервые попала в Англию по стипендии Британского Совета, мне было 35 лет, я уже 12 лет преподавала английский язык в МГУ и защитила кандидатскую диссертацию по вопросам синтаксиса и лексикологии английского языка. В первое же воскресенье нас повезли на экскурсию в Стратфорд. Я от волнения почти ослепла (от слез восторга) и оглохла (от эмоций): еще бы, тексты “A Visit to Stratford” из учебников Хорнби и Эккерсли я знала наизусть – сначала как студентка английского отделения филологического факультета МГУ, потом – как преподаватель там же. Шекспир был (и есть) мой любимый писатель, мы ставили его пьесы в студенческом английском театре, которым я руководила счастливейшие 30 лет своей университетской жизни.

Я ехала в Стратфорд впервые в жизни, но я могла работать там экскурсоводом.

Извините, это, конечно, лирическое отступление, но оно уместно, потому что иллюстрирует простую мысль: весь мир любит англоязычные страны и народы за то, что изучает их язык и культуру и знает их! К ним отношение, как к друзьям, почти родственникам. А они избалованы этим вниманием миллионов иностранцев (*bloody foreigners*) и часто ведут себя высокомерно, хотя не приложили особых усилий – просто случайно родились в английский язык.

И еще одно лирическое отступление – по ассоциации с последним предложением, которое я мысленно перевела с английского.

Принцесса Анна во время своего визита в МГУ произвела очень хорошее впечатление открытостью, прямолинейностью (в хорошем смысле), отсутствием жеманства и рисовки. Она начала свою встречу со студентами и преподавателями со слов о том, что она волнуется в этой академической компании, потому что она сама в жизни ничего выдающегося не сделала, просто случайно родилась в королевской семье. По-английски это было так: “...*just happened to have been born into the Royal Family*”. И “академическая компания” очень ее за это зауважала. Хорошая принцесса Анна!

А по поводу “избалованности всеобщим вниманием” – это, к сожалению, становится характерной чертой англичан – в основном, благодаря их глобальному языку.

Особенно грустно это наблюдать у преподавателей – носителей английского языка, в отличие от принцессы, не только сознающих, но и демонстрирующих свое превосходство перед учениками, которые старательно изучают чужой язык и с наивным восхищением ловят каждое слово этих “полубогов”, с такой легкостью владеющих своим родным языком. Р. Филлипсон приводит яркий пример в уже цитированной работе. Американский политолог Дуглас Ламмис (Douglas Lummis), поехавший на работу в Японию в 1961, был поражен уверенностью американцев преподавателей языка в своем культурном превосходстве. “In an article entitled ‘English Conversation as Ideology’, he wrote that the world of English conversation is racist... The expression ‘native speaker’ is in effect a code word for ‘white’... their real role is not language teacher but living example of the American Way of Life” (Phillipson 2001:3) (в статье под названием “Беседа на английском как идеология” он писал, что мир разговоров на английском языке – это расистский мир... Выражение “носитель языка” – это зашифрованное

слово “белый”... их подлинная миссия не преподавать английский, а быть живым образцом Американского образа жизни”).

Вот совсем свежий пример избалованности вниманием на высоком дипломатическом уровне. Мы, на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ, сделали уникальный мультимедийный курс “Англия и англичане”, в который входит книга с таким названием, 4 фильма на DVD, снятые в Англии (“Что едят и пьют англичане”, “Английские сады и парки”, “Традиции английского чаепития”, “Англия и Россия”) и 4 учебных пособия к фильмам. Потратили очень много сил, знаний, талантов, времени и денег, но очень счастливы и довольны, потому что уверены: дело важное, нужное и новое. Отправили по комплекту в подарок в Московское представительство Британского Совета и в Посольство Великобритании в РФ. И не получили никакого ответа. А как же знаменитая британская дипломатия? Вежливость, этикет, манеры? Используя английскую же идиому, where are their p’s and q’s? (Не буду переводить!)

Вернемся, однако, к вопросу о том, чем грозит статус английского языка как глобального средства общения самим англоязычным народам.

Во-первых, было нежелание изучать иностранные языки.

Во-вторых, по мнению Д. Кристала, в этой ситуации возникает лингвистическая элита, состоящая из носителей языка, которая может использовать английский язык в корыстных целях и для манипуляций в разных сферах (Crystal 1997:12,17).

В-третьих. Очень важное. Став языком международного общения, английский язык как бы перешел **во всеобщее пользование**, стал всеобщим, **международным, глобальным достоянием**.

С этим связаны два последствия.

Первое. Поскольку язык – это не только барьер, разделяющий народы, но и щит, защищающий национальную идентичность и самобытность, англоязычные народы, отдав (пожертвовав?) свой родной язык в чужие “международные” руки, потеряли свой щит и им грозит утрата этой самой национальной идентичности.

У меня сложилось впечатление, что сейчас и английский язык, и культура, в нем заложенная, и, следовательно, национальная идентичность как бы выставлены напоказ в некоей глобальной витрине с рекламной надписью: “пользуйтесь, мы ваше лучшее средство общения“. И все пользуются, и число желающих растет каждый день.

Это впечатление оформилось после одного эпизода из моей научной жизни. Я была в Италии на лингвистической конференции по проблемам преподавания английского языка в университетах. После докладов многие участники конференции пошли поужинать в ближайшее кафе. Там были и местные жители, и делегации из разных стран. Наша российская компания с удовольствием обсуждала на родном языке и доклады конференции, и Италию, и итальянцев. Чувствовали мы себя хорошо, потому что русский язык был нашей защитой, и мы говорили на самые разные темы легко и свободно. Нашими соседями были 2 молодых человека, которые говорили по-английски на довольно интимные темы. Невольно мы стали прислушиваться, и я увидела, что итальянцы, французы, финны, сидевшие за соседними столиками, делают то же самое. Все маленькое кафе их понимало и с интересом слушало их частную беседу. Они были как бы выставлены напоказ, их язык не защищал их, не был им щитом, потому что **все его знали**.

Как известно, язык выполняет две основные функции по отношению к “обслуживаемой” и сформированной им этнической группе: служит, во-первых, средством об-

щения и, во-вторых, средством идентификации. Из-за своей глобальности английский язык сильно ослаблен в плане выполнения функции идентификации. Он, конечно, язык общения, или коммуникации англоязычных народов, но как язык идентификации, как щит он уже очень тонок и к тому же прозрачен, это хрупкий стеклянный щит: весь мир наблюдает, изучает, критикует, заимствует все то, что отражает зеркало английского языка и хранит его сокровищница, то есть жизнь, быт, культуру в самом широком смысле слова англоязычных народов. Немного напоминает кошмарные телепередачи “за стеклом”. Такова обратная сторона медали “За глобальность языка”, та дорогая цена, которую платят носители великого и могучего английского языка за то, что именно он стал средством международного общения.

И второе. Поскольку английский язык отдан в пользование и во власть всему миру, все народы, особенно многочисленные, подделывают его под свою культуру, свой менталитет и **под свой язык**, то есть создают свой вариант английского языка. Иными словами, наряду с американским, австралийским, канадским вариантами первичного британского английского, существуют, развиваются и множатся варианты “иных стран”: индийский английский, китайский, японский, русский и т.п.

Когда одним языком пользуются миллионы разноязычных людей, это не может не сказаться на уровне и качестве этого языка. А поскольку количество иностранных пользователей во много раз превышает число носителей языка и растет оно гораздо быстрее, то будущее натурального английского внушает определенные опасения. Я слышала историю от иностранных коллег о том, как у носителя языка не приняли статью в международный сборник и попросили ее переписать, потому что его английский был “не такой, как у всех”. Мне эта история кажется маловероятной, но сам факт ее появления на свет – даже как анекдота, мифа, шутки – представляется показательным.

Термин “World Englishes” стал сейчас очень популярным, и научный журнал под таким названием издается издательством Blackwell Publishing в Оксфорде, Великобритании, и Бостоне, США. Ноябрьский номер 2005 года был посвящен Russian Englishes (русским английским). Множественное число настораживает: неужели и в России есть разные варианты русского английского?

В-четвертых, дело в том, что столь массовое распространение английского языка как глобального привело к созданию некоей особой разновидности университетского “английского как иностранного”, некоего усредненного, упрощенного для “бедных иностранцев”, стандартного, унифицированного, “дистиллированного” языка. Автор “Базового английского” (Basic English) Чарльз Огден (C.K. Ogden) писал в 1930г., что вопрос глобального общения (он назвал его “debabelization” – что-то вроде “девавилонизации”) должен быть решен не с помощью искусственного языка, а посредством упрощенной формы английского (a simplified form of English). “Basic English” (Базовый английский, лексический словарь которого был сокращен Огденом до 850 слов, был задуман как вспомогательный международный язык (an auxiliary international language”) (Concise Encyclopedia of Educational Linguistics 1999:782).

В научной литературе “учебный” вариант английского языка, этот стиль учебников, получил название прагмалингвистического. Этот стиль занимает особое положение, так как в нем не доминирует ни функция сообщения, ни функция воздействия в их чистом виде. Его основное предназначение – служить основой для создания безупречных в языковом отношении учебных пособий, дать изучающим язык образцы лексики,

грамматики, фонетики и т.п. Соответственно, его основная характерная черта – строгая нормативность на всех уровнях: от фонетики (в английском языке RP – Received Pronunciation) до лексики (никаких слэнгов, диалектизмов, жаргонизмов) (См. об этом подробно: Магидова 1989).

Хочу напомнить, что здесь обсуждается не вопрос качества учебных материалов для иностранцев, это отдельная проблема, сейчас широко и противоречиво исследуемая. Я как раз считаю, что с точки зрения иностранцев все правильно: Кесарю – кесарево, иностранцам – иностранцево, мы должны знать свое – иностранное – место при пользовании чужим языком. Для отклонений от норм, игры, коверкания и творчества у нас есть свой родной язык. Это – как поведение дома и в гостях. Речь же здесь идет о проблемах натурального английского языка, возникающих в связи со столь широким распространением его прагмалингвистического, все более искусственного варианта. Это и есть, – “в-четвертых”. Разрыв между английским как иностранным и подлинным английским, используемым как единственное средство общения в англоязычных странах, растет и углубляется.

В-пятых, этот “подлинный, настоящий английский” вообще не существует, как таковой. Есть несколько вариантов “подлинных” английских, служащих единственным средством общения для своих народов, из которых два основных (основных как материал для изучения английского как иностранного): британский и американский. И разрыв между ними тоже непрерывно увеличивается. Британский вариант престижнее (история, великая литература, ярко выраженный национальный характер, традиции), американский – практичнее и выгоднее для карьеры. Старшие поколения в “иных странах”, как правило, за британский вариант, молодежь – за американский. Молодежи среди изучающих гораздо больше, поэтому американский вариант как язык очень активной супердержавы сейчас более распространен, чем британский.

Оба варианта, впрочем, столкнулись с большими проблемами.

Америка – страна иммигрантов, и “американский” язык представлен большой коллекцией вариантов, начиная от самых примитивных. Это проблема № 1.

Поскольку именно в Америке родилась идея борьбы за права человека, не удивительно, что именно там встал вопрос о признании права человека на язык (recognition of linguistic rights as human rights). Это проблема № 2, напрямую связанная с проблемой № 1.

У Британского варианта – свои проблемы, связанные прямо или косвенно с глобальным статусом английского языка.

Современный британский английский проявляет тенденцию к размыванию, расшатыванию языковых норм, отходу от *RP, queen’s English (Received Pronunciation, Королевский английский)*. Это выражается в том, что в литературном, стандартном английском, в языке СМИ употребляются жаргонизмы, слэнг, диалектизмы, сниженная лексика, вульгарные выражения, то есть то, что профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ В.С. Елистратов, вслед за известным советским филологом Б.А. Лариним, называет “варваризацией”, сопровождающей конец всякой стабильной эпохи.

Наконец, **в-шестых**, английский язык как глобальный приобретает определенную негативную окраску, и это может вызывать негативное же отношение к пользующимся английским языком в качестве средства общения – в первую очередь к англоязычным народам.

Негативная окраска английского языка обусловлена целым рядом причин.

Господствующее положение всегда вызывает недовольство. Английский язык имеет отпечаток престижности, элитарности, перспективности, обещания материального преуспеяния. Это раздражает другие народы, как те, которые утратили свой высокий международный статус (французский, много лет бывший эксклюзивным языком дипломатии и почты), русский, царивший на огромном советском и околосоветском пространстве, немецкий как язык науки), так и те, которые никогда его не имели. У каждого есть **свой** язык, язык родины, язык матери (mother tongue), любимый и родной.

И чем выше поднимается статус английского языка, чем более глобальным он становится, чем больше мыслей и разговоров о смерти и убийстве языков, тем сильнее антипатия к английскому, потенциальному убийце.

Растущее негативное отношение к английскому языку вызвано также и изменением в отрицательном направлении оценки народами многих стран мира международной политики США. Как в ЮАР язык африкаанс потерял свои господствующие позиции, получив ярлык “языка агрессоров”, так и английскому языку может угрожать такой же ярлык с соответствующими последствиями. В нашей стране после II мировой войны резко упал интерес (и, соответственно, количество изучающих) к немецкому языку: одна из главных причин – ассоциации с насилием и агрессией.

Итак, в вопросе об английском языке как глобальном имеются противоречия диалектического характера, то есть такие, которые, по Гегелю, своей борьбой и оказываются движущими силами прогресса общественной жизни и человеческой деятельности. На этой мажорной ноте и остановимся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магидова, И.М. (1989) *Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи*. // Докторская диссертация. Москва.
2. Crystal, D. (1997) *English as a Global Language*. Cambridge: CUP.
3. Phillipson, R. (1999) *Voice in Global English*. // *Applied Linguistics*. 20 (2). Oxford: OUP.
4. Phillipson, R. (2001) *English and the World's languages*. // *Humanizing Language Teaching*. Pilgrims Ltd.
5. Spolsky, B. (Ed.) *Concise Encyclopedia of Educational Linguistics*. Oxford.

Անգլերենը որպես գլոբալ լեզու. ինչպե՞ս է այն սպառնում անգլախոս երկրներին

Այսօր անգլերենը հավակնում է դառնալ գլոբալ լեզու, քանի որ այն միջազգային հաղորդակցության լեզու է: Իհարկե, ակնհայտ է, որ անգլախոս ժողովուրդները օգուտ են քաղում ստեղծված իրավիճակից: Այնուամենայնիվ, բրիտանացիները, իրենց մայրենին ուրիշի «միջազգային» ձեռքը տալով, կորցրել են իրենց վահանը, ինչը սպառնում է նրանց ինքնությանը:

English as a Global Language: How it Threatens the English-Speaking Nations

Today the English language claims to be a global language, for it is the language of international communication. Certainly, it is obvious that this situation is advantageous for the English-speaking peoples. However, the British, having put their mother tongue in someone else's "international" hands, have lost their shield, which threatens them with the loss of national identity.